Юрий ГЕЛЬМАН ВОЗВРАЩЕНИЕ

“И любовь их,

и ненависть их,

и ревность их

уже исчезли”.

Екклесиаст

Когда я умер было серое промозглое утро южной зимы. Крупный, тяжелый снег отвесно

падал из молочной пустоты и беспомощно превращался в грязь, едва коснувшись земли. Троллейбусы с заляпанными бортами и стеклами сновали по улицам, разбрызгивая во все стороны маслянистую жижу, которая тут же сползала в дорожные рытвины.

Чумазая рыжая дворняга с шерстью на животе, свалявшейся в черные сосульки, несколько раз пыталась перебежать дорогу на красный свет, но так и осталась на обочине, растерянно озираясь по сторонам и подавляя в себе растущую неприязнь к людям и светофорам.

Голые мокрые тополя с мертвенно-холодными стволами молитвенно складывали ветви, как ладони, прося у своего древесного бога хоть несколько солнечных дней.

Было сумрачно, сыро и холодно. И обидно. До неощутимой уже боли обидно, что я вляпался в эту скверную погоду, не дотянул до весны. Хотя, впрочем, какая мне была разница?..

…Вначале был неимоверный толчок – отчаянный выхлоп сердца, сообщивший крови напоследок бешеную энергию. Потом – затухающая инерция легких, вобравших в себя бесполезный резерв неподвижного комнатного воздуха. И выдох – долгий, отрешенный, как в лечебной гимнастике, в течение которого медленно закрылись глаза, задержав на сетчатке, как фотографию, кусок белого потолка с размазанным бурым пятном убитого еще осенью комара. Этого протяжного выдоха мне с лихвой хватило, чтобы покинуть до морщинок знакомую, любимую оболочку – мое обиталище в течение стольких лет.

И уже сквозь закрытые веки, будто в диафильме с меняющимися картинками, я увидел, как с жалобным писком упал навзничь мой будильник, как, лихорадочно корежась, задрались вверх его черные стрелки. А потом вдруг из какой-то щели в нем выбежала смолянистая лужица, которая, пузырясь и быстро густея, образовала коричневую корку на полировке стола. И я понял, что это истекло, навсегда остановилось, перестало существовать Время. Умерло…

Был момент, когда вдруг стало нестерпимо жаль расставаться со своей, в сущности, беззащитной водянистой скорлупой, сполна познавшей болезни и наслаждения, и я почувствовал легкие колебания: а не вернуться ли обратно… Стало жаль оставлять видавший виды письменный стол, которому наверняка уготована ужасная кончина в печи или, в лучшем случае, многолетнее гниение на чьей-нибудь даче. Стало жаль оставлять несколько сотен книг, многие из которых я так и не успел прочитать. Стало жаль оставлять диван, давно изучивший все мои привычки в благодарность за то, что я регулярно чистил пылесосом его красный в цветочек барокан.

На балконе осталась древняя пепельница из консервной банки, а в ней – три сморщенных окурка из начатой накануне пачки. На кухонной плите – остатки супа, неубранного в холодильник. В прихожей на вешалке – куртка, в левом кармане которой талон на трамвай и табачные крошки, в правом – мой старый кожаный кошелек с мелочью.

Но таинственная черная бездна, слишком грандиозная для моего узкого восприятия, как сумасшедшая скользкая воронка, беспощадно всасывала в себя. И очень скоро я понял, что не удержаться на земле, не уцепиться за дверную ручку, за оконную раму, за гладкий бетонный столб разбитого фонаря, обклеенный объявлениями.

Собственно говоря, я и не сопротивлялся, включившись в хорошо отлаженную, неоднократно испытанную мирозданием схему.

Мои познания о Космосе, ограниченные по своей человеческой природе, познания, сводившиеся к чисто умственному восприятию вакуума как пустоты, – эти познания нелепым грузом остались на Земле, уступив место блаженной невесомости сказочного полета.

Я устремился в Бездну, из которой, вероятней всего, не могло быть возврата. Я приобрел билет в один конец, покинув мир, где мой путь был вымощен остроугольными камнями сплошных разочарований. И теперь мчался по черному коридору, выстроенному для этого движения Вечностью.

А впереди – там, где этот туннель сужался до осязаемых размеров, – был СВЕТ, и СВЕТ этот притягивал необратимо.

Мне было трудно определить, в какую сторону Вселенной нес меня стремительный поток: не было ни километражных столбов, ни дорожных указателей, ни даже привычных звездных очертаний. Знакомое с детства трехмерное пространство до неузнаваемости исказилось, будто многократно отразившись в запутанной системе кривых зеркал. И в этой многомерности перетекания и пересечения замысловатых силовых полей и потоков состояла, должно быть, истинная суть Вселенной, открывшаяся мне, но еще недоступная для понимания.

И единственной постоянной величиной в незнакомом мне переменчивом мире, величиной, стоявшей над законами движения и формулами хаоса – был тот самый СВЕТ.

Я готовился ворваться в него, слиться с ним воедино, стать его частицей, раствориться в этом сиянии. И даже не боялся сгореть или ослепнуть.

Давно поняв и ощутив неизбежность происходящего, я собирался пройти все этапы преломления души осознанно и покорно, но с достоинством, без ерзанья и суеты.

И вот, наконец, когда движение потока, в котором я находился, замедлилось, и можно было оглянуться и отдохнуть от бешеных скоростей, я почувствовал необъяснимую легкость, будто тяжесть всей моей жизни оставила меня навсегда.

А рядом со мной уже кружились, обволакивая и увлекая за собой, два яйцевидных пятна – голубое и белое. И я не испугался их присутствия, я подчинился их ненавязчивому движению, ибо от него исходили удивительное тепло и любовь.

“Мы покажем тебе Мир – все, что захочешь, – сказали они. – Мы отнесем тебя к тем, с кем бы ты хотел увидеться и попрощаться”.

“Кто вы?” – наивно спросил я.

“Ты должен догадываться”, – улыбнулись они лучезарно.

“Да, я понял, – сказал я. – Вы ангелы”.

“Называй нас так, – ответили они. – Что ж, мы готовы выполнить твои пожелания”.

И тут я растерялся. О, сколько мест на планете Земля, сколько городов мне бы хотелось увидеть!

“В Лондон! Я хочу в Лондон, где жили когда-то герои моего исторического романа. Можно мне в Лондон?” – спросил я, не скрывая восторженной надежды.

Вместо ответа меня заволокло туманом, закружились вокруг пестрые вихри, а когда все рассеялось – под собой я увидел город. Я узнал его сразу, без гидов и карты – зеленовато-голубую ленту Темзы, Сент-Джеймский дворец, собор Святого Павла, Пикадилли, Гайд-парк. Много лет я писал грандиозную эпопею двухвековой давности, сталкивал и разводил героев, заставлял их любить и ненавидеть, радоваться и страдать. Да я и сам был погружен в то время, я сам бродил по мрачным, скользким от осенних дождей мостовым этого города!..

И вот он подо мной – весь, как на ладони, как архитектурный макет, как пластиковая игрушка, которую можно потрогать руками…

А потом были Афины, Мехико, Париж. Ни одному туристу не приснился бы подобный маршрут.

Легкость, невесомость и счастье познания переполняли меня. Я кувыркался в теплых струях исполненной мечты и вдруг поймал себя на том, что совершенно теперь не боюсь, не ощущаю смерти. Напротив, с ее приходом неожиданно сбывалось то, что при жизни никогда не могло осуществиться.

“Теперь куда?” – спросили ангелы, выводя меня из эйфории.

“Теперь?” – задумался я.

И вдруг вспомнил… Как же я мог забыть?! С этого следовало начинать, а я…

“Домой! – сказал я. – К сыну! Я хочу видеть его!”

“У тебя мало времени, – сказали мне. – Ты слишком долго путешествовал по городам. Лишь на минуту, издалека…”

…У него был урок рисования. На столе учительницы стоял кувшин с бумажными цветами, и я видел, как мой паренек старательно выводит в альбоме замысловатые бока глиняной посудины, которые никак не получаются одинаковыми. И вдруг он отложил карандаш, повернулся к окну и долго задумчиво смотрел на улицу. Сквозь меня…

“Все, нам пора”, – услышал я через какое-то время.

“Куда?”

“Ну, ты должен понимать… – сказали они и переглянулись. – ОН не может ждать…”

“Да-да, – торопливо ответил я. – Нельзя противиться неизбежности. Мне кажется, я уже готов…”

И вновь меня заволокло туманом, сквозь который то и дело проскакивали голубые и желтые искры, высекая озон из плотных серебристо-серых облаков. И я летел, рассекая этот туман, и ощущал себя стальной иглой, которую неотвратимо притягивает к себе Вселенский магнит.

Ангелы незаметно отстали, растворились, исчезли где-то на полпути. Я ощутил пустоту вокруг, свое одиночество в этом новом для себя мире, и стало чуточку не по себе.

И вдруг, в тот момент, когда я готов был уже затосковать, я почувствовал, как стремительный луч, содержащий в себе колоссальную духовную энергию, пронзил меня насквозь, проник через все поры, протиснулся в каждую клетку, пригвоздил к черной пустоте.

И я услышал ГОЛОС. Это был ГОЛОС, от которого даже по астральному моему телу побежали мурашки. В один миг я ощутил себя ничтожеством рядом с Бесконечностью, но, вместе с тем, – неотъемлемой частью, одной из неисчислимых крупинок, из которых, собственно говоря, и состоит сама Бесконечность. И это давало возможность не только отвечать на вопросы – это давало право надеяться.

Я попросился в Духовный Мир – в тот светлый Город, о котором столько читал, Город, где меня, наверное, ждали любящие родные, покинувшие Землю до меня. Я попросился в Духовный Мир – в царство Любви и Покоя, которое, как мне казалось, заслужил тем, что в жизни земной испытал достаточно унижений, отчаяния и борьбы.

Да, очень долго я не верил в Бога, часто поступал вопреки желаниям сердца, но по

воле холодного разума. А потом ко мне пришло понимание, растворилась небесная дверь, приглашая войти и покаяться…

А еще я писал стихи, нашептанные длинными зимними ночами светом далеких звезд. Связь с ними я чувствовал постоянно, а пользовался ею безотчетно и расточительно.

Но разве сделал я что-нибудь противоречащее нравственному стержню Духовного Мира? Сделал?

Да, я часто влюблялся, но ведь и больше страдал от этого, чем радовался. Я раскрывал свое сердце женщинам, как дверцы платяного шкафа, в котором, в конце концов, оставались только пустые вешалки. Но никто из тех, с кем сводила меня судьба, не может обвинить меня в неискренности. Что из того, что ни с кем я так и не связал свою судьбу? Разве все зависело только от меня? А та, что подарила мне сына – как я мог оставаться с ней?! Ведь известно, как все было!.. Что? Выходит, я должен был мучиться сам и мучить ее, и это бы выглядело нормально, нравственно?..

Что же теперь? Не бывать Городу – еще не время, еще не искуплены грехи? Почему? В чем я провинился?

Я хочу остаться здесь. Я готов служить где угодно, на любом поприще. Мне вот уже где земная жизнь с ее неустроенностью, с ее!.. Я не ругаюсь… Я просто говорю, что… простите меня… но мне здесь так хорошо, что опять на землю, где все настолько…

Я еще что-то говорил – сумбурно, сбивчиво – но очень скоро понял, что все мои усилия напрасны. Здесь ровным счетом ничего не значили амбиции.

Прошло совсем немного времени, и я уже знал свой приговор: вернуться на Землю, невидимо и неощутимо быть рядом с моим мальчиком, оберегать его от опасностей, вести его дорогой жизни до тех пор, пока он сам твердо не встанет на ноги. Это и будет искуплением. Что ж, я готов исполнить все! Но как? Теперь… когда я умер?..

Лишь позавчера я виделся с сыном, почувствовал, что мальчик взрослеет, перед ним открывается все больше соблазнов, и он становится все менее устойчив перед ними…

Господи, какой же путь нужно было проделать, чтобы прийти к воспитанию родного ребенка! Ага, понял я, значит, ей одной не доверяют. Значит, ей не стОит кичиться своим безупречным педагогизмом… Все-таки понадобился я! Ну и поворотец, ну и замысел!

Я оглянулся в поисках своих провожатых, за которыми, наверное, почти успел соскучиться. Оба кружились неподалеку, поджидая меня. О моем назначении им наверняка уже было известно.

Итак, в путь, в обратный путь – в знакомые очертания, тронутые сумраком зимнего дня. Там соседка, которой я оставлял ключи, чтобы она заходила звонить по телефону, давно нашла меня, как сказал кто-то из древних, in medio labor *, там уже что-то сделали с моим телом…

* Посреди трудов (лат.)

* * *

…Она привела его в день похорон. Она не могла не прийти: ей необходимо было убедиться, удостовериться, что нет ошибки, что ей позвонили не для розыгрыша.

Всю длинную дорогу через город мальчик был в приподнятом настроении. До него не доходил ужасный смысл происходящего. Ребенок не мог представить того, что, в силу своего возраста, еще не постиг умом.

Нет, папа – этот веселый бородач, мастер на выдумки и розыгрыши; папа, чьи ненавязчивые советы с малолетства принимались безоговорочно; папа, не сумевший сдержать слез, когда пришлось разъезжаться; папа, чей авторитет навсегда остался непререкаемым – разве он может умереть, разве может наступить день, когда папы не будет? Милое, наивное дитя, горький упрек моей жизни…

Даже в подъезде, увидев на площадке возле моей квартиры группу курящих мужчин – моих друзей, с некоторыми из которых мальчик был знаком, – он спросил:

– Дядя Игорь, а где папа?

И большой дядя Игорь, у которого слова скомкались в горле, молча указал глазами на дверь.

Они вошли в комнату, вызвав у моей немногочисленной родни всплеск рыданий. И даже она прослезилась, стоя у стены.

В эту минуту все, кто собрался проводить меня, смотрели на мальчика, а он, болезненно худой, с тонкой шейкой, прижался к маме, и широко открытые глаза были прикованы к лицу покойника. И на левой ключице, в ямке, подпрыгивала жилка. Слез не было – был страх, и была борьба неверия и реальности, ударившей наотмашь, – реальности, которая обрушилась, как снежная лавина, подминая прошлое под себя.

А в комнате плавал между потолком и полом специфический запах смерти, перемешанный с пустым ароматом бумажных и живых цветов. И тусклый свет серого безрадостного дня, проникая через окна и натыкаясь на сдержанный шепот людей, выползал обратно на улицу – еще более мрачный.

Потом, на кладбище, когда слово взял один из моих собратьев по перу, для мальчика прозвучало откровением, что его папа много лет писал неплохие стихи и довольно интересные рассказы. Я был рядом, я все видел и слышал, и я почувствовал, как стыд, будто маленький паучок, перебирает ниточки в душе ребенка – стыд за то, что по

русскому языку и чтению у него слабая тройка.

Да, я был рядом, совсем близко. И слишком хорошо знал, что должно было произойти с минуты на минуту. Взовьется, как струя фонтана, и рассыплется поток последних эмоций, и не останется ничего цельного – одни осколки: мой сын, для которого все потечет по-другому; бывшая жена, которая спрячет от него мои фотографии; друзья, у каждого из которых свои проблемы; мои рукописи, которые я не успел никому завещать…

И кончится зима, и высохнет грязь, и выше поднимется небо. И жизнь, как столбик термометра, займет достойный уровень. И все это будет проистекать без меня…

А мне приказано быть рядом – в более тонком, более изысканном мире, мне подарена способность управлять чужой волей, назначена роль наставника и хранителя. Но разве с этой ролью я не справился бы при жизни? Разве можно сравнить поцелуй ребенка или тонкие ручки, благодарно сплетенные у тебя на шее, со слепым, неосознанным подчинением чужому наставлению? Ведь мальчик никогда не узнает, что рядом с ним нахожусь именно я…

Да, я был ТАМ, я просился в Светлый Город, но вместо этого получил нелепое назначение. Может быть, кто-то другой воспринял бы это с восторгом, но я… я не могу так!

Теперь я знаю, что мне не простят самоуправства, не примут в сообщество духов, достойных Покоя и Вечной Любви. Пусть! Я согласен страдать и подвергаться испытаниям – потом, в другой раз, который когда-то неминуемо наступит. Но теперь… теперь во что бы то ни стало я должен вернуться!

Я подплыл к своему телу, одетому в синий бостоновый костюм – мой свадебный костюм, который я давно невзлюбил и не носил уже лет десять. Каким бледным, каким осунувшимся было мое лицо, какими темными и осевшими были глаза, какими мраморно-гладкими, как никогда при жизни, были руки…

– Смотрите, какое-то свечение! – воскликнул кто-то рядом.

Я понял, что меня заметили, и, решив, что медлить больше нельзя, просочился через ноздри в эту мертвую пещеру. Как холодно, темно и страшно было в ней!

Вот где вспомнился школьный учебник по анатомии с его цветными иллюстрациями, вызывавшими порой отвращение. Желудок, не успевший переварить завтрак, провис и приклеился к позвоночнику; сердце обмякло и завалилось набок; печень, как студень, перетекла, занимая пустоты, и затвердела; легкие сморщились и примялись, как моченые яблоки; кровь, разделившись на множество частиц, свернулась в смолянистые сгустки. Удручающая картина начала разложения.

Но я принял решение, я нарушил Вселенское предписание. Теперь другого пути для меня уже не было.

Медленно занимая покинутый недавно объем, преодолевая сопротивление физиологической природы, я чувствовал, как каждая клетка погибшего организма приветствовала мое возвращение. Даже распоротая в морге грудь, стянутая грубыми стежками, будто расправилась, уплотнилась, смыкая щели, которым бы никогда не суждено было срастись.

Я вползал в свою оболочку, как океанский лайнер в родной порт после кругосветного плавания. Я нашаривал все органы, все суставы и сухожилия, будто в незнакомой темной комнате искал на стене выключатель…

Наконец, настал момент, когда я полностью ощутил себя в теле. И первое, что пришлось отметить – это ужасное неудобство деревянного ящика, который безжалостно сдавливал плечи. Еще несколько секунд я находился в том неопределенном состоянии, когда спящий уже проснулся, уже слышит и понимает происходящее вокруг, но еще не может разлепить сонные веки. Это балансирование между пропастью и жизнью продолжалось недолго. Рядом кто-то громко и решительно сказал “будем закругляться”, и вокруг началось весьма знакомое мне движение. Мне доводилось в свое время хоронить родных и друзей, и я слишком хорошо знал элементы скорбного ритуала. Сейчас скомандуют попрощаться близким, уберут из гроба живые цветы, развяжут

ноги, поднимут и опустят крышку…

И тут я разлепил присохшие веки.

Вздох ужаса и разочарования вырвался из уст собравшихся. Мне стало понятно состояние людей, печаль которых давно настроила их на известную процедуру. И вдруг свершилось чудо, случился казус, которому невозможно было найти объяснение.

Женщины и мужчины, ставшие свидетелями моего пробуждения, бросились врассыпную, роняя венки и расталкивая друг друга. Отбежав на безопасное расстояние, все застыли в оцепенении, не в силах оторвать глаз от феномена. Как же – такое увидишь только в страшном кино!

Два пьяных могильщика, побросав веревки и лопаты, рванули через холмы и ямы, обгоняя друг друга и отчаянно матерясь. Моя бывшая супруга, атеист и ортодокс по части медицины, для которой мое пробуждение, скорее всего, было равносильно крушению всех жизненных планов, истерически вскрикнула и, пытаясь ухватить за руку сына, поскользнулась и упала на груду мокрой глины.

И только мой маленький беззащитный сынишка, трепеща, как последний листочек на облетевшем дереве, с ужасом глядя на меня, остался на месте. То ли страх сковал его быстрые ножки, то ли, напротив, любопытство перед неведомым наслало остолбенение.

С большим трудом разминая застывшие мышцы, я поднял руку и провел ладонью по лицу, пригладил волосы. Потом, опираясь о борта и прилагая немало усилий, я сел и оглянулся. Родственники и друзья, сотрудники и соседи, пришедшие меня хоронить, неплотным кольцом окружали эпицентр, от которого их отбросило, как взрывной волной. Изумление и ужас читались на лицах.

В моих глазах стоял туман, уши были как будто заткнуты ватой, а язык, похожий на наждачную бумагу, высох и приклеился к небу. В каждом суставе, в каждой мышце, в каждом сосуде и нерве сидела смертельная усталость. Я был слаб и беспомощен. Но я был ЖИВ! Я был жив, и ощущал себя победителем.

И тут я услышал тоненький, дрожащий голосок. И этот голосок, проникнув в мое сердце, как живительный бальзам, придал ему сил и упругости.

– Папочка, я знал, что ты не умер!..

Я повернул голову, еще раз увидел эти круглые глазенки, этот чубчик ровненьких, как зубья расчески, волос. Увидел слегка оттопыренные ушки, мягкие, как кусочки поролона. Увидел губки, изогнутые в трогательный бантик. И я понял, что поступил правильно. Я понял, что вовремя вернулся…

…А потом зазвонил телефон. Я вздрогнул, открывая глаза и туго соображая, который час. Сквозь неплотно сдвинутые шторы пробивался пепельный свет зимнего дня.

Дико защемило сердце. Я проснулся с этой болью и неожиданно поймал себя на том, что безотчетно радуюсь своему состоянию, ибо это была живая боль – настоящая…

А телефон все не унимался. Я снял трубку и услышал знакомый детский голос.

– Папа, ты можешь приехать? Мне задали много примеров по арифметике, а мама говорит…

– Да, родной, я, конечно, приеду! – перебил его я.

Потом, привычно выудив из шелестящей пластинки валидол, я сунул его под язык и еще долго лежал на диване, не промокая глаз…